

Wing above wing, flame above flame
<...крыло к крылу, сияние к сиянию...>*

To Some I Have Talked with by the Fire.

W. B. Yeats

Тому, с кем я говорил у огня.

У. Б. Йейтс

* Перевод В. А. Савина приводится с изменениями.

ТОМУ, С КЕМ Я ГОВОРИЛ У ОГНЯ, – ЧИТАТЕЛЮ РУССКОГО ИЗДАНИЯ

У Мин-и

Когда я узнал от своего агента о предложении издательства АСТ перевести «Человека с фасеточными глазами», то в глубине души испытал легкое удивление и радостное волнение.

Пожалуй, среди людей пишущих и читающих вряд ли найдется хоть один человек, на которого не повлияла бы русская литература. В моей молодости многие книги были запрещены властями, но все-таки можно было читать Федора Михайловича Достоевского, Льва Николаевича Толстого и Антона Павловича Чехова. Во всех тайваньских книжных магазинах их переводы (видимо, об авторских правах и речи не шло) стояли на полках с надписью «Великие произведения». Для меня эти русские писатели золотого века, несомненно, составили благодатную среду, питавшую мои скудные представления о литературе.

Среди них Чехов до сих пор продолжает вдохновлять меня. Когда в университете я преподавал писательское мастерство, его тексты служили мне самой главной Книгой Истоков.

«Человека с фасеточными глазами» я начал писать в 2005 году. В интернете я наткнулся на одну интересную новость на английском языке. В ней говорилось о том, что в Тихом океане образовался неслыханных размеров мусорный водоворот, который медленно смещается, однако ученые так и не придумали, как решить эту проблему. Иногда на лоне природы, иногда в каких-нибудь маленьких городках, иногда на берегу моря, не знаю, почему, но этот никогда не виденный мной образ острова в Тихом океане, составленного из брошенных людьми вещей, не выходил у меня из головы. Постепенно на острове, который я стал себе представлять, появился юноша, и я дал ему имя

Ателей. Через некоторое время я решил, что он родился в дальнем уголке Тихого океана на острове, о котором практически никому ничего неизвестно.

В один прекрасный день я придумал название для острова, и он стал островом Ваю-Ваю. Таким образом роман и начался.

В отличие от прежних романов, извлеченных из закутков памяти в прошлом, никакие персонажи в этом романе не были определены заранее, и никакие события не принадлежали исключительно моей собственной памяти. Когда я заканчивал ту или иную часть, то история останавливалась до тех пор, пока не возникал другой персонаж и не говорил мне, в каком направлении будет развиваться сюжет. У меня не было намерения вплетать реальность в ткань повествования романа. Когда я писал, то просто использовал все, что было у меня в голове, чтобы найти путь для продолжения истории.

Вот так роман с перерывами писался три года. Позднее я занялся научной работой и по этой причине поехал на западное побережье, где и завершил эту историю о восточном побережье Тайваня и острове в Тихом океане.

Когда я начинал писать роман, то принимал активное участие в экологическом движении, поэтому у меня была возможность каждый день достаточно глубоко размышлять над тем, как маленький остров оказывается один на один с «природой», особенно такой остров, как Тайвань, чьи ресурсы весьма ограничены. На мой взгляд, если этот остров потеряет свою красоту, это, быть может, обогатит его жителей, но духовно они сделаются сиротами, потому что многие воспоминания и культурный опыт на острове берут свое начало в природном ландшафте, совсем как культура России связана с русской природой.

Несколько лет назад на проходящем во Франции литературном фестивале «Атлантида» у меня состоялся диалог с российским писателем Михаилом Тарковским. В ходе дискуссии выяснилось, что его дядя — великий русский режиссер Андрей Тарковский.

Передо мной предстал господин Тарковский: в джинсах и удобной куртке, рослый человек, от которого веяло дыханием леса. Когда его представляли, то упомянули, что он охотник, рыбак и зоолог, писатель и поэт, а большинство его произведений написаны в отчетливо реалистической манере. В них он рассказывает о своем опыте охоты в холодной Сибири.

В тот раз был задан вопрос о вымысле и реальности, о том, можно ли сравнить писателя с чародеем? Он ответил, что реальность природы превосходит действительность, и то, что являет нам мир природы, — не магия, а сила. В этом мы, не сговариваясь, пришли к единому

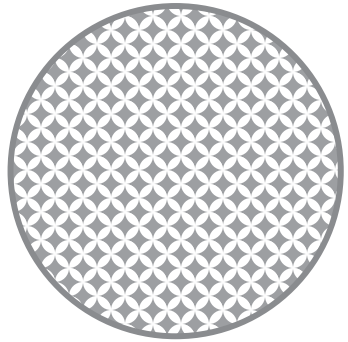
мнению. Я упомянул, что Тихий океан или высокие горы на Тайване вообще не имеют индивидуальности. Они не поддаются никакой характеристике. Попытки описать природный ландшафт, который не обладает фиксированным образом, но при этом вскармливает и забирает жизни людей, — такие попытки и составляют очарование литературы.

Сидя по другую сторону от ведущего, он в ответ поднял в полусгибе руку, сжатую в кулак, — «но пасарáн!».

Для первого издания романа в 2011 году я написал послесловие, уподобив эту книгу тем историям, которые рассказывают, сидя у заходящего камина, для небольшого круга собравшихся у огня слушателей. Огонь отражается в глазах у одних, у других по щекам скользят красноватые отблески, кто-то уже задремал, прислонившись к стене, а кого-то на глаза медленно наворачиваются слезы с кончик булавки, а кто-то, в конце концов, в определенный момент встает, открывает дверь и уходит. За дверью накрапывает не большой и не маленький дождь, такой, как на гравюрах в японском стиле укиё-э — прямые линии дождя.

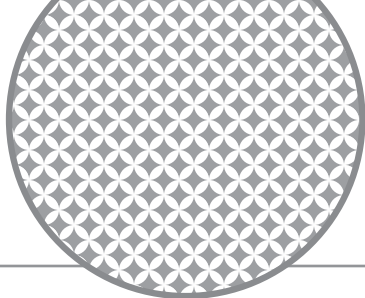
Надеюсь, что этот роман сможет донести до тех, кто будет читать его по-русски, культурный опыт «далеких островных стран», оказавшихся перед лицом сил природы.

И наконец, мне хотелось бы поблагодарить издательство АСТ, а также Виталия Андреева, взявшегося за перевод романа. Он серьезно подошел к делу, не поленившись обсудить со мной некоторые вопросы по электронной почте. Это переводчик, влюбленный в горы и культуру коренных народов Тайваня. Благодаря также Отдел культуры тайваньского представительства в России и работающим в нем сотрудникам Министерства культуры Китайской Республики за их усилия по продвижению тайваньской литературы.

ЧАСТЬ
ПЕРВАЯ

ПЕЩЕРА

Посреди шума воды, журчащей в расщелинах, гора вдруг издала чудовищный, но как будто отдаленный звук.

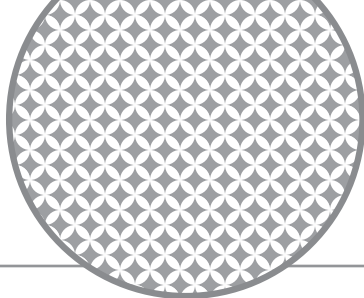
Все затихли.

Последовал громкий крик Ли Жун-сяна. Это были не потоки воды, нет; и даже близко не напоминало катящиеся камни или разломы глубинной породы, звук был другой. Это было не эхо. Скорее было похоже на то, как будто совершенно ровная стена из стекла испытала какой-то внезапный удар, на первый взгляд не вызвавший видимых повреждений, но, на самом деле, уже доносится еле слышимый шорох расходящихся во все стороны крохотных трещин. Правда, тот звук в одно мгновение пропал, и все, кто были ниже под землей или в диспетчерской, теперь слышали лишь дыхание друг друга, да еще «ш-ш-ш-ш-ш» — шипение рации.

Детлеф Болдт протяжно выдохнул и произнес по-английски с сильным акцентом: — Вы только что слышали какой-то звук?

Никто не ответил, хотя все слышали, но только не знали, как объяснить. И тут полностью отключилась система электроснабжения, и пещера, скрытая в глубине горного массива, вдруг погрузилась во тьму. Никто не видел перед собой ничего, кроме непроглядной мглы. В следующее мгновение тот звук возник вновь, словно внутри горы было какое-то исполинское существо, и оно то ли приближалось, то ли удалялось.

— Тихо! Тихо все! — Ли Жун-сян намеренно понизил голос, чтобы звуковая волна не вызвала вибрацию и не привела к обвалу. Но, вообще-то, все уже и так смолкли.

НОЧЬ АТЕЛЕЯ

Островитяне на Ваю-Ваю полагают, что мир — это остров. Остров лежит посреди безбрежного моря, так далеко от большой земли, что в памяти островитян никто из соплеменников, однажды покинувших остров, больше никогда не возвращался с известиями о материке, хотя прежде и появлялись белые люди. Ваювайцы верят, что в начале было море, а Кабáн (что означает «бог» на ваювайском языке) сотворил этот остров для них, словно положил малюсенькую пустую раковину в огромную чашу с водой. Остров Ваю-Ваю дрейфует в море по воле приливов и отливов, и всю пищу ваювайцы добывают в море. Но есть пища, в которую воплотился сам Кабáн, например, в *асаму*, рыбу с черными и белыми полосками, которую Кабáн посылает, чтобы, когда нужно, высматривать и испытывать людей. Так они пришли к выводу, что эту рыбу нельзя употреблять в пищу.

«Если по неосторожности съешь эту рыбу, то вокруг пупка вырастет чешуя, и всей жизни не хватит, чтобы ее содрать». Подпрыгивающей походкой, опираясь на служащую посохом китовую кость, Кудесник моря каждый вечер усаживается под деревом и принимается пересказывать детям истории о море, какие только есть на острове Ваю-Ваю: и как солнце тонет в море, и о том, как дети, становясь девушками и юношами, проходят обряд совершеннолетия. Все его слова пропитаны морем, и дыхание источает солоноватый аромат.

— А что делать, если чешуя вырастет? — спрашивает кто-то из ребят. Здешние дети с огромными, как у ночных животных, глазами.

— Эх, дитя мое, люди не могут обрасти чешуей, как морские черепахи не могут спать брюхом вверх.

На другой день Кудесник моря ведет детей туда, где в низине между двух выступов растет *акаба*, что значит «похожее на ладонь растение». На острове совсем мало растений, дающих крахмал, и *акаба* как раз одно из них, его заросли точно бесчисленное количество рук, обращенных к небу в молитве. Так как остров слишком маленький, а никаких орудий труда на нем нет, островитяне просто обкладывают землю камнями, защищая высаженные растения от ветра и поддерживая влажность почвы. «Надо с любовью возделывать землю, земля — самое дорогое, что есть на Ваю-Ваю, совсем как дождевая вода и женское сердце». Кудесник моря учит детей, как выкладывать камни, его кожа похожа на растрескавшуюся глину, спина выгнута, как холм: «На свете, дети, следует доверять только Кабáну, морю и земле».

На юго-востоке от острова расположена лагуна, окруженная атоллоподобным рифом. Это удобное место, где островитяне ловят рыбу маленькими сетями и собирают ракушки.

На северо-востоке, в «десяти кокосовых орехах» от острова (то есть на удалении десяти бросков кокосовыми орехами) есть коралловый риф. При отливе он весь показывается из-под воды, и туда слетаются морские птицы. Из веток одного дерева островитяне делают приспособление для ловли птиц, называемое *кувана*. С виду *кувана* кажется обычной заостренной палкой, но на тупом конце островитяне проделывают отверстие, через которое продевают веревочку, свитую из дудника. Ваювайцы берут *кувану* и на лодке-однодеревке подплывают к коралловому рифу, а потом по течению делают круги вокруг него. Они специально не смотрят на птиц, про себя молятся Кабáну, а когда лодка приближается к птицам, то одним резким движением бросают *кувану*. Веревочка, с благословения Кабáна, захватывает птицу за шею, и остается только повернуть руку, чтобы острым концом *куваны* умертвить птицу, после чего из *куваны* льется кровь, будто ранена была не птица, а палка. Альбатросы, олуша, фрегаты, буревестники, чайки размножаются, сопротивляясь *куване*, весенней порой вьют гнезда на острове и откладывают яйца. Так что в это время люди ваюваю каждый день едят яйца, при этом на лицах у них жестокие, но довольные улыбки.

Как бывает на всех островах, на Ваю-Ваю часто ощущается нехватка пресной воды, хотя есть дождевая вода и озеро в центре острова. А так как птица и рыба, в основном употребляемые в пищу, содержат много соли, островитяне выглядят и смуглыми, и худыми, нередко страдают от запоров. Ваювайцы испражняются ранним утром, сидя спиной к морю у выкопанной рядом с домом выгребной ямы, и у многих от чрезмерных усилий на глазах выступают слезы.

Остров совсем не большой, если судить по тому, что обойти его вокруг можно, отправившись после завтрака и вернувшись чуть позднее обеденного времени. И именно потому, что остров невелик, островитяне привыкли оценивать текущий момент приблизительно, говоря «лицом к морю» или «спиной к морю», ориентируясь при этом на гору-коротышку в самом центре острова. Они разговаривают лицом к морю, принимают пищу спиной к морю, приносят жертвы лицом к морю, занимаются любовью спиной к морю, чтобы не разгневать Кабана.

На острове Ваю-Ваю нет вождей, есть только «старцы», и самого мудрого из них они называют «подобный-морю-старец». Жилище, в котором живет «подобный-морю-старец», входом обращено к воде, и напоминает перевернутую лодку, с обеих сторон украшенную раковинами и резьбой, по бокам обклеенную рыбьей кожей, а перед входом островитяне строят для хозяина жилища стену из подводных камней, преграждая путь ветру.

Островитяне не могут найти «места, где не было бы слышно моря», не могут сказать фразу, в которой не упоминалось бы море. Когда по утрам они встречаются друг друга, то говорят: «Сегодня выходишь в море?» Днем спрашивают: «Не хочешь ли выйти в море попытать счастья?» И даже если сегодня слишком большие волны, чтобы выйти в море, вечером при встрече обращаются к другому с такими словами: «Чуть погода послушаю твою историю о море».

Каждый день островитяне отправляются в море на лов рыбы, и если кто увидит, то с берега громко кричит: «Не дай *монá* забрать у тебя имя!» *Монá* значит «волна». Обычно при встрече приветствуют друг друга так: «Какая сегодня погода на море?» И даже если на море сильно штормит, другой человек обязательно отвечает: «Очень ясная». Язык ваювайцев по своей интонации напоминает крики морских птиц, резкие и звонкие; он сродни трепетанию крыльев, дрожанию перьев в их складках, а каждая фраза завершается конечным звуком, как будто птица разбивает волну, опускаясь на воду.

Иногда ваювайцам не хватает пропитания, иногда из-за плохой погоды они не могут выйти в море, иногда между двумя племенами возникает конфликт, но что бы ни случилось, каждый островитянин способен замечательно рассказывать всевозможные истории о море. О море говорят во время еды, говорят во время встречи, говорят во время ритуальных обрядов, говорят во время любовных игр, говорят даже во сне. Хотя и не делалось каких-либо полноценных записей, но через много лет, быть может, антропологи узнают, что остров Ваю-Ваю — место, где собрано больше всего историй о море. У каждого островитянина излюбленной присказкой стали слова: «Я тебе расскажу одну

историю про море...» Островитяне никогда не спрашивают другого человека о возрасте; они рослые как деревья; подобно цветам, выпячивают свои гениталии; как устрицы, настойчиво следят за течением времени; точно черепахи, умирают с улыбкой на устах.

Если на острове Ваю-Ваю рождается мальчик, отец выбирает для него дерево, и каждый раз, когда луна умирает и рождается вновь, делает одну зарубку. После ста зарубок мальчик должен соорудить свою *талаваку*. Несколько лет назад единственный антрополог, живший некоторое время на острове, англичанин Тедди, сделал запись о том, что *талавака* — это лодка-однодеревка. На самом деле это не так, скорее это камышовая лодка. Ведь остров не такой большой, на нем мало достаточно толстых деревьев, чтобы можно было изготовить лодку-однодеревку. Получается, что эта запись Тедди — не более чем анекдот в истории антропологии, однако это совсем не бессмысленный анекдот, так как любой человек, увидевший *талаваку*, решил бы, что эта лодка выдолблена из дерева. Ваювайцы сначала собирают кору деревьев, лианы и три-четыре вида камыша для того, чтобы сделать каркас, а потом смешивают растительные волокна с водой, растирают их до получения волокнистой массы, заливают ею каркас, повторяют так три раза; после этого оставшиеся щели замазывают торфянистым грунтом, который берут в низинах, а снаружи обмазывают лодку древесным соком, делая ее водостойкой. Выглядит *талавака* такой же прочной и совершенной, как если бы была выдолблена из ствола одного большого дерева.

Сидящий сейчас на берегу юноша — обладатель самой красивой и прочной *талаваки* на всем Ваю-Ваю. В его внешности соединились самые характерные для людей ваюваю черты: плоский нос, глубоко посаженные глаза, кожа цвета солнца, тоскливый изгиб спины, стрелоподобные руки и ноги.

— Ателей, не сиди там, морской дьявол тебя увидит! — закричал юноше проходящий мимо старик.

Раньше Ателей, как и остальные ваювайцы, считал, что мир — это остров, дрейфующий в море, точно пустая раковина.

Строить *талаваки* Ателей научил отец, и соплеменники расхваливали юношу за то, что он научился мастерить *талаваки* лучше всех сво-